

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОМ И РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ

Л. А. Тимошина

О СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В СРЕДЕ ПОСАДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КОСТРОМЫ В XVII ВЕКЕ

Проблемы исторической демографии русского города XVI-XVII вв. давно занимают одно из ведущих мест в трудах отечественных историков, как посвященных общим процессам горообразование, численности и социальному составу всего городского населения России этого периода (П. П. Смирнов, С. В. Бахрушин, Я. Е. Водарский), и затрагивающих историю отдельно взятых городов¹. Во второй группе исследований изучение демографических проблем городского населения сочетается с разработкой основных направлений деятельности горожан, в основном, посадских людей (формирование профессионального состава городского населения, количество ремесленников и торговых людей, их группировка по видам деятельности и отраслям торговли)².

Несмотря на их безусловную важность этих работ для изучения истории русских городов XVI-XVII вв., в них не прослеживаются внутренние логические связи собственно демографических и социально-экономических вопросов, таких как роль и значение наследственности в развитии различных отраслей ремесленного и мелкотоварного производства, социальное положение отдельных семей и его изменение с течением времени, поколенно-структурный состав посадских семей, влияние внешних обстоятельств (общеполитических процессов, эпидемий) на городскую экономику и т. д. Представляется, что на данном этапе развития исторической науки необходимо тщательное исследование процессов преемственности занятий в той или иной сфере деятельности на уровне отдельно взятых и изучаемых на значительных хронологических отрезках времени семей городских жителей.

В качестве объекта исследования выбрано черное тяглое население костромского посада (вопросы наследственности видов занятий

среди других категорий жителей города — служилых по прибору, населения монастырских слобод и др. — требуют особого изучения) за период 1627/28-1664/65 гг. Основными источниками послужили писцовые книги 1627/28-1629/30 гг. писцов И. Бутурлина и И. Злобина и дозорная книга 1664/65 г. кн. И. П. Вяземского, составленная для учета потерь городского населения после эпидемии чумы 1654-1655 гг.³, в которой содержится ретроспективная информация из несохранившейся костромской переписной книги 1646 г. Для уточнения сведений об отдельных посадских людях и фамилиях привлечены материалы воеводского учета (рописные списки и сметные книги города), таможенные книги, документы сыска посадских закладчиков в Костроме в 1639-1641 гг.⁴

Изучение предпринято путем сравнительного анализа данных писцовой книги 20-х годов, реконструированной переписной книги 1646 г. и дозорной книги 60-х годов XVII в. о родственных связях посадских людей Костромы. Это позволило выделить три группы семей. В первую группу входят семьи, сведения о которых имеются во всех трех источниках, т. е. имеется возможность проследить занятия их отдельных представителей, несмотря на гибель части родственников в эпидемию чумы в середине 50-х годов, на протяжении почти сорока лет. Вторую группу составляют семьи, зафиксированные среди дееспособного населения города в писцовой книге 20-х годов и переписной книге 1646 г., все члены которых погибли в эпидемию чумы и в дозорной книге 60-х годов отмечены как умершие. Третья, небольшая, группа, включает посадские семьи, сведения о которых имеются в переписной и дозорной книгах. В писцовую книгу 20-х годов эти семьи по причинам, требующим дальнейшего исследования, не попали, однако в середине 40-х — середине 60-х годов XVII в. их члены, опять-таки несмотря на гибель отдельных лиц в эпидемию чумы, жили на посаде и были включены в ту или иную сферу ремесленного производства или торговли.

Всего выявлены сведения о 198 посадских семьях, история которых, с одной стороны, прослеживается на протяжении двух и более поколений, а с другой — в документах имеются данные о роде деятельности входящих в состав этих семей лиц. В целом, можно отметить, что для большинства из них (117 семей — 59,1%) был характерен переход профессий по прямым или, в меньшей мере, боковым степеням родства (дед-отец-внук, отец-сын, дядя-племянник и т. д.). Среди представителей разных поколений в 71 семье (35,9%) преемственности в занятиях не наблюдается. И, наконец, в 10 семьях (10%), включавших в свой состав несколько поколений, каждое из которых было представлено двумя и более братьями, происходило частичное наследование рода деятельности,

когда часть братьев продолжали дело отца или деда, а другие отказались от «родовых» занятий.

В сфере ремесленного и мелкотоварного производства преемственность профессиональных занятий среди посадского населения Костромы была характерна для отраслей, связанных с обработкой животного сырья, металлообработкой, изготовлением некоторых видов продовольствия и занятиями товарным огородным хозяйством.

В кожевном деле высокая степень наследственности занятий наблюдается у собственно кожевников: по данным писцовой книги 1627/28 г., 42% всех костромских посадских кожевников передали свое дело по наследству, а по дозорной книге 1664/65 г. 54,8% кожевников получили профессию от родственников, в меньшей мере у строгальников (1627/28 г. — 10,9%, 1664/65 г. — 27,3%), а также у специалистов, непосредственно связанных с кожевным производством общим технологическим процессом обработки кожевного сырья: войлочников (1627/28 г. — 41,1%, 1664/65 г. — 66,6%), мыльников (1627/28 г. — 35,7%, 1664/65 г. — 33,3%), гребенщиков (1627/28 г. — 20%, 1664/65 г. — 16,6%), овчинников (1627/28 г. — 8,7%, 1664/65 г. — 9,5%).

Среди специалистов, непосредственно связанных с нуждами кожевной промышленности, необходимо отметить и лиц, названных в писцовой документации «мясниками». При достаточной высокой степени наследственности по этому виду занятий по посадке в целом (1627/28 г. — 26,1%, 1664/65 г. — 40,7%), в районе, являющемся центром кожевного производства (Большая Бережная и Боровая улицы), этот показатель намного превосходит общепосадский: все зарегистрированные на этих улицах мясники занимались своим делом из поколения в поколение, передавая его на протяжении изучаемых 40 лет строго по наследству. Данное обстоятельство в сочетании с местоположением дворов подобных «мясников»⁵ заставляет видеть в них поставщиков исходного сырья для кожевного дела, которые имели не только постоянный, стабильный круг потребителей — кожевников, но и создали себе такой же постоянный, устойчивый круг связей с поставщиками сырых кож, живущими в более или менее отдаленных от Костромы районах. В качестве примера можно привести поездки «мясника» И. Беляева и его сыновей на рынки Вологды и Великого Устюга в 30-х годах XVII в.

При изучении документов писцового делопроизводства 20-60-х годов бросается в глаза полное отсутствие наследственности среди еще одной группы ремесленников, тесно связанных с кожевным делом — дуботолков. Это обстоятельство в сочетании с

исчезновением самого термина «дуботолк» из дозорной книги 1664/65 г. подтверждает высказанное нами ранее предположение⁶ об изменении в Костроме во второй трети XVII в. технологии приготовления дубильных веществ для обработки кож, в результате чего место дуботолков заняли квасники.

Среди специалистов металлообработки передача ремесленных специальностей по наследству отмечается среди кузнецов (1627/28 г. — 23,4%, 1664/65 г. — 60,8%), молотовщиков (1627/28 г. — 66,6%, 1664/65 г. — 57,1%), и, в меньшей степени, серебряников (1627/28 г. — 9,1%, 1664/65 г. — 7,7%). Представление о молотовщиках как о помощниках кузнецов нуждается в корректировке, т.к. многие костромские молотовщики из поколения в поколение имели свои кузницы.

Наследование занятий заметно и у таких далеких, на первый взгляд, от обработки металла специалистов, как варежники (1627/28 г. — 10%, 1664/65 г. — 33%). Однако, как и в случае с мясниками, это явление отмечается не у всех костромских варежников, а только у тех, кто жил в районе сосредоточения посадских кузниц, т.е. среди специалистов, изготавливавших особые «вареги» для защиты рук кузнецов и молотовщиков от жара расплавленного металла, а не просто лиц, занятых изготовлением предметов одежды. Тем самым, на примере этих двух специальностей (мясники и варежники) можно сказать, что одним из факторов, влиявших на уровень преемственности занятий, является фактор топографический, определявший включенность ремесленников подсобных, обслуживающих специальностей в более широкие сферы производства.

Третью область деятельности с достаточно ярко выраженной наследственностью в занятиях составляет, как уже отмечалось, товарное огородничество и изготовление некоторых продовольственных товаров (лиц, занятых в этой сфере деятельности, целесообразно рассматривать вместе, т.к. в писцовой документации часто встречается двойственная характеристика их занятий: «огород пашет и масло бьет», «хлебы печет и огород пашет» и т.д.). Здесь перелача профессии среди родственников наблюдается у собственно «огородников» (1627/28 г. — 13%, 1664/65 г. — 28,5%), у специалистов по изготовлению хлебобулочных изделий — калашников, хлебников, пирожников (1627/28 г. — 20%, 1664/65 г. — 17,9%) и у маслеников (1627/28 г. — 40%, 1664/65 г. — 33%).

Только по наследству (от деда к отцу и внуку) на протяжении 40 лет переходили, несмотря на гибель отдельных лиц в эпидемию 1654-1655 гг., такие редкие для Костромы специальности, как струнник (очевидно, специалист по изготовлению судовых снастей) — одна семья, и замочник — две семьи.

Несколько особняком в ряду занятий посадских людей, и, соответственно, в процессе их преемственности стоит иконописное дело, расцвет которого в Костроме падает именно на XVII в. В литературе утвердилась подтвержденная рядом примеров точка зрения, что «большинство иконников XVII века происходило из семей потомственных иконописцев»⁷. Это положение в значительной мере применимо к костромским иконописцам 20-х годов XVII в., почти половина которых (46,1%) действительно унаследовала свою профессию от отца или дяди. Однако к середине 60-х гг. о высокой степени преемственности в иконописном деле говорить не приходится — только 11,1% мастеров были потомственными иконописцами. Виднейшие же представители костромской школы иконописи XVII в. происходили из самых разных по своему положению и занятиям семей: отец Гурия Никитина Никитина Кинешемец сидел в лавке в суконном ряду, а его брат Лука был сапожником, Емельян Пушкарицын родился в семье площадного подьячего и т.д. Не менее характерен пример семьи Восцыных: в 20-х годах братья Василий и Лев Восцыны и сын первого из них Василий же занимались иконописанием, а в 60-х годах внук Василия и сын Василия Васильевича Андрей Восцын вместе со своими четырьмя сыновьями варил мыло и занимался отъезжей торговлей (сама фамилия — Восцын, т.е. тот, кто топил воск, говорит о том, что А.В.Восцын вернулся, до некоторой степени, к занятиям предков, а отступили от них из-за ярко выраженных способностей в совсем другой области именно его дед и отец). В целом, как следует из примера Костромы, преемственность занятий в иконописном деле была не столь очевидной, и этот вопрос требует дальнейшего рассмотрения.

В остальных сферах деятельности, где было сосредоточено наибольшее количество ремесленников (портные, сапожники, рукавичники, шапочники, плотники и т.д.) степень наследственности занятий была крайне низка и составляла не более 2-3%.

Таким образом, изучение истории костромских посадских семей показывает, что преемственность деятельности в различных видах ремесла и промыслов, на первый взгляд довольно далеко отстоящих друг от друга, была обусловлена некоторыми сходными чертами и особенностями их развития. Для занятия ими требовалось наличие специального, иногда довольно значительного и дорогостоящего оборудования, переходящего из поколения в поколение (кожевенные мастерские непосредственно на посадских дворах или отдельные кожевенные дворы, кузницы, мыловарни, маслобойни, оборудование для валяния войлока), а в отношении огородников необходимым условием деятельности было обладание значительными земельными участками. Большую роль играло профессиональное

обучение ряду достаточно сложных технологических приемов, что в первую очередь могло происходить в рамках семьи. Немаловажным фактором, как представляется, было и то, что произведенная в этих отраслях продукция шла почти исключительно на рынок.

В непроемственной сфере достаточно высокая степень наследственности занятий была характерна для посадских фамилий, представители которых были связаны с отъезжей торговлей (1627/28 г. — 37,3%, 1664/65 г. — 47,4%) или сидели в лавках на городском торгу (1627/28 г. — 37,5%, 1664/65 г. — 18,1%). При этом в большинстве случаев постоянство занятий было связано с неизменностью самих предметов торговли: представители одних и тех же семей на протяжении 40 лет торговали только «своим» специфическим товаром: солью, рыбой, скотиной, мылом, мукой.

Приведенные данные свидетельствуют о возрастании доли наследственности в большинстве рассмотренных видов деятельности, связанных с занятиями ремеслом, торговлей или промыслами. К середине 60-х гг. почти половина ремесленников ряда весьма значимых для городского хозяйства специальностей получили свою профессию от предыдущих поколений. Это явление было весьма тесно связано с рядом других социально-экономических процессов, протекавших в городе в 20-60-х годах XVII в.

Прежде всего, возрастание доли наследственности в отдельных видах ремесла или промыслов свидетельствует о некоторых принципах развития самой структуры городского хозяйства в целом. Так, в исторической литературе обычно обращается внимание на количественные последствия эпидемии чумы 1654-1655 гг., затронувшей Москву, ряд городов Поволжья и Центра страны: резкое сокращение численности посадских общин и, как следствие, падение объемов ремесленного и мелкотоварного производства. Однако не менее интересен вопрос о наличии или отсутствии качественных изменений, происшедших в городской экономике в результате эпидемии. Сохранение, а в большинстве случаев и увеличение процента наследственности ремесленных и торговых занятий на примере Костромы позволяет считать, что физическая гибель значительной части специалистов в той или иной сфере деятельности (на костромском посаде в 1654-1655 гг. умерло не менее 50% жителей) не повлияло на общую структуру городского ремесла и торговли. Иначе говоря, состояние городской экономики обуславливалось внутренними, объективными, закономерностями ее развития и в качественном отношении не зависело от внешних обстоятельств, какими бы серьезными на первый взгляд они ни выглядели.

Не менее интересна связь преемственности в занятиях различными видами деятельности с социальным положением семей по-

садских людей. Из 198 семей, история которых прослеживается на протяжении 20-60-х годов XVII в. в отношении 137 имеются сведения о социальном положении их членов. Большая часть семей, представители которых из поколения в поколение продолжали заниматься одним и тем же делом, принадлежала к верхним слоям посадского населения — «молодым», «средним» и «лучшим» людям, доля «худых» была очень невелика, а «добре худых» были единицы. В то же время там, где занятия постоянно менялись, не зарегистрировано ни одного посадского человека, имевшего статус «лучшего», большинство же составляли «худые» и «добре худые».

Среди представителей 80 семей, для которых характерен переход профессиональных занятий по наследству, около трети (30,1%) улучшили свое социальное положение, перейдя из более низкой категории в более высокую (наиболее характерен переход «молодых» людей в «средние», отдельные представители семей Исаковых и Могутовых вошли в гостиную сотню). Улучшение социального положения, сопровождалось, как правило, расширением круга деятельности за счет занятий крупной отъезжей торговлей. Однако основная профессия «кожевник», «мыльщик», «кузнец» в писцовой документации всегда стояла на первом месте. Половина из этих 80 семей (53,7%) сохранила на протяжении рассматриваемого периода свое социальное положение, а шестая часть (16,2%) ухудшила.

В 57 семьях, где наследования занятий не произошло, большинство людей (57,9%) перешло на более низкую социальную ступень, по преимуществу, — в разряд «добре худых». Строго говоря, в отношении этой категории лиц правильнее будет говорить не об отсутствии преемственности, а о потере профессии вообще и переходе в разряд «рабочих людей», «ярыжек», «коровых пастухов» и т.д. 35,1% лиц сохранили свой социальный статус, и только 7% повысили его (в основном из «добре худых» в «худые» и один раз из «молодых» в «средние»).

В целом, как показывает пример Костромы, наследственность занятий в значительной степени способствовала, с одной стороны, сохранению социальной стабильности в среде посадских людей, а с другой — повышению социального положения лиц и формированию верхних слоев посадского населения. Не случайно, именно из таких «стабильных» во всех отношениях семей выбирались люди в органы местного посадского управления (Никифор Гагилов, например, из семьи потомственных кузнецов, был посадским старостой в 1613 г., а Василий Панкратьев, племянник «лучших» людей, вошедших затем в состав гостинной сотни, Кирилла и Емельяна Исаковых — в 1647 г.⁸).

Вопрос о родственной преемственности занятий среди посадских людей позволяет обратиться и к такому малоразработанному вопросу, как структурно-поколенный состав городских посадских семей. Для 117 семей, где фиксируется наследственность профессий, характерна передача занятий от отца к сыну или сыновьям, что соответствует малой двухпоколенной семье. На втором месте идет наследование профессий по прямой нисходящей линии в трех поколениях (дед-отец-внук) или от совместно проживающих родных братьев к их совместно же проживающим сыновьям, т.е. двоюродным братьям (соответственно, простая трехпоколенная семья и большая неразделенная двухпоколенная семья). В отдельных, крайне немногочисленных случаях, наблюдался переход специальности от дяди к племяннику (3 семьи), от отчима к пасынку (2 семьи), от тестя к зятю (3 семьи). Во всех этих случаях переход специальности был связан с занятиями, требующими наличия специального образования — кожевники, кузнецы, войлочники, хлебники.

Особое место в этой группе занимают семьи (хотя количество их было невелико) все члены которых, связанные как прямыми, так и боковыми степенями родства, на протяжении трех, а иногда и четырех поколений, занимались одним и тем же видом деятельности, в основном, кожевным делом или были «мясниками». Представители именно этих семей повышали из поколения в поколение свой социальный статус и расширяли основную сферу деятельности за счет занятий торговлей. В результате, в 60-х годах XVII в. существовали целые семейные кланы кожевников-торговых людей Исаковых, Могутовых, Прибыловых, Телегиных, мясников Беляевых. Для них были характерны большие неразделенные трех- и четырехпоколенные семьи, включавшие, кроме прямых родственников, двоюродных и троюродных братьев, племянников, шуринов, зятьев, пасынков и т.д.

Для 71 семьи, чьи представители не унаследовали занятий предков, также характерно преобладание малой двухпоколенной семьи. В остальных случаях смена профессии наблюдается в третьем поколении (дед — внук) или по боковой степени родства (дядя — племянник). Для малых двухпоколенных семей с боковой степенью родства характерно отсутствие преемственности в занятиях, и племянники в большинстве случаев выбирали иную сферу деятельности, чем дядья, правда, при отсутствии у последних собственных сыновей. В противном случае, двоюродные братья предпочитали, как отмечалось выше, заниматься одним и тем же делом. Многопоколенные семьи сложного состава в этой группе не отмечаются.

Таким образом, наблюдается определенная зависимость между наследственностью занятий ремеслом, торговлей или промыслами

и структурно-поколенным составом посадских семей: чем выше численность взрослого мужского состава их семей, состоящих из представителей нескольких поколений, тем выше степень преемственности профессиональной деятельности среди родственников различных степеней родства. Правда, при этом необходимо учитывать возможность прямопротивоположной зависимости, когда расширение и упрочение профессиональной деятельности влекло за собой вовлечение в нее ближайших родственников. Так, уже упоминавшийся «мясник» Иван Беляев в середине 40-х гг., по данным переписной книги, привлек к скупке сырых кож, помимо сыновей, своего родного брата Петра. Именно многочисленностью подобных семей объясняется, во многом, факт сохранения ими своих ведущих позиций в экономической и социальной сферах жизни города и до, и после эпидемии 1654-1655 гг., в то время как значительное количество малых двухпоколенных семей прекратили свое существование. Они способствовали также и сохранению общей структуры костромского посадского ремесла на протяжении 20-60-х годов XVII в.

Дальнейшее изучение процессов преемственности ремесленных и торговых занятий в среде посадских людей поможет выявить связь этих явлений с другими аспектами городской жизни, в частности, с вопросами городского дворовладения, особенностями наследования или распределения посадских дворов среди черного тяглового населения.

В целом, представляется целесообразным проведение дальнейших исследований проблем наследственности занятий посадских людей как в рамках самой Костромы, расширяя хронологические рамки используемых источников, так и на примере других городов, сохранивших комплексы писцово-документации XVII в.

¹ Подробную характеристику отечественной историографии по этому вопросу см.: Горская Н.А. Историческая демография России эпохи феодализма (Итоги и проблемы изучения). М., 1994. Гл. 3. С. 91-164.

² См., напр.: Сербина К.Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI-XVIII вв. М.; Л., 1951; Чистякова Е.В. Ремесло и торговля Воронежа. Воронеж, 1954; Данилова Л.В. Мелкая промышленность и промыслы в русском городе во второй половине XVII — начале XVIII в. (по материалам Ярославля) // История СССР. 1957. № 3; Тверская Д.И. Москва второй половины XVII в. — центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959; Мерзон А.Ц., Тихонов Ю.А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М., 1960; Рабинович Г.С. Город соли — Старая Русса в конце XVI — середине XVIII в. М., 1973. и др.

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1113. Л. 16-126 об.; Кн. 1123. Л. 3-299 об.

⁴ Там же. Ф. 396. Стб. 41603. Л. 58-86.

⁵ Об особенностях расположения дворов мясников на Большой Бережной и Боровой улицах см.: Тимошина Л.А. Топография костромского посада XVII в. // Очерки феодальной России. М., 1998. Вып. 2. С. 143-144.

⁶ Там же. С. 155-145.

⁷ Брюсова В.Г. Русская живопись XVII века. М., 1984. С. 78.

⁸ Документы Печатного приказа (1613-1615 гг.) / Сост. С.Б.Веселовский. М., 1994. С. 153; РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. (Устюг). Кн. 80. Л. 110-111.